

СТУДІЇ

УДК 341.36:94

Василий Ткаченко, Николай Дорошенко
“ГИБРИДНАЯ ВОЙНА”: ИСТОКИ И
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье анализируется “гибридная война” России против Украины, когда дополняют друг друга военные и невоенные формы воздействия, рассчитанные на достижение цели измором, подрыв изнутри с использованием сепаратистов и фрондеров внутри страны.

Ключевые слова: “гибридная война”, “многомерная война”, сепаратисты, кризисное реагирование, высокоточное оружие, миротворческая операция, аннексия Крыма, Донбасс, ЛНР и ДНР, Новороссия, конфедерализация, ирредента.

Выступая на XXII ассамблее Совета по внешней и оборонной политике 22 ноября 2014 года, министр иностранных дел РФ Сергей Лавров остановился, кроме прочего, на двух, очевидно особо важных для России вопросах. Прежде всего, он упомянул “о естественном желании все большего числа государств обеспечить свои жизненно важные интересы и сделать это так, как представляется правильным этому конкретному государству, а не как подскажут “из-за бугра””. Второй тезис в выступлении министра звучал так: “Стало модным рассуждать, что в Крыму и на Украине Россия вела и ведет некую “гибридную войну”... Интересно порассуждать и на тему понятия гибридной войны, кто ее ведет, и только ли из “зеленых человечков” состоит весь гибрид” [1].

Мы тоже не прочь обратиться к этим вопросам, поскольку считаем их неправильную трактовку серьезным камнем преткновения в нормализации украинско-российских отношений. Но с определенной оговоркой – мы будем пользоваться преимущественно российскими источниками, используя их максимально приближенно к языку оригинала, дабы лишить возможности любого недоброжелателя упрекнуть украинскую сторону в якобы упрежденном отношении к описанию и оценке действий России по отношению к Украине.

Мемориалы: стоят ли они того?

13 ноября 2014 года пятый президент Украины Петр Порошенко подписал указ о праздновании ежегодно 21 ноября Дня Достоинства и Свободы [2]. Представляя документ, глава государства отметил, что Украина – это территория достоинства и свободы. Такими нас сделала не одна, а две революции – наш Майдан 2004 года, который был праздником Свободы, и Революция 2013, Революция Достоинства. Это был чрезвычайно тяжелый экзамен для Украины, когда украинцы продемонстрировали свою европейскость, достоинство, свое стремление к свободе.

Но так уж случилось в этом году, что последняя суббота 21 ноября совпала с еще одним памятным мероприятием в становлении идентичности украинского народа – Днем памяти жертв Голодомора. Поневоле возникает вопрос: не

слишком ли много на один день мероприятий, связанных с павшими жертвами? Ведь кое-кто уже воспользовался случаем, чтобы надругаться над светлой памятью невинно убиенных и погибших. Речь идет о лишь слегка завуалированной угрозе, опубликованной в Российской газете (Федеральный выпуск) №6538 от 21 ноября 2014 г. “видимо, только Богу сегодня известно, как будет именоваться в украинском календаре день 21 ноября всего через год”. Смягчающим обстоятельством в этом случае может послужить разве что фамилия автора неподобающей статьи – Петр Лихоманов (на украинском языке “лихоманка” означает не что иное, как болезненную горячку).

Как свидетельствует европейская традиция, умные и достойные люди никогда не позволяют себе глумиться над мертвыми. В свое время великий французский социолог Эрнест Ренан уделял особое внимание тому факту, что нация, как, впрочем, и индивидуумы, это результат положительных усилий, жертв и самоотречения. Культ предков, считал он, самый законный из всех, ибо именно предки сделали нас такими, какими мы являемся в настоящее время. Героическое прошлое, великие люди, слава (но истинная) – вот главный капитал, на котором основывается национальная идея: “Иметь общую славу в прошлом, общее желание в будущем, совершать вместе великие поступки, желать их в будущем – вот главные условия для того, чтобы быть народом. Любят пропорционально жертвам, на которые согласились, пропорционально бедам, которые пришлось перенести. Любят тот дом, который строили, и теперь переносят... Разделять в прошлом общую славу и общие сожаления, осуществлять в будущем ту же программу, вместе страдать, наслаждаться, надеяться, вот что лучше общих таможен и границ, соответствующих стратегическим соображениям; вот что понимается, несмотря на различия расы и языка. Я сказал только что: “вместе страдать”. Да, общие страдания соединяют больше, чем общие радости. В деле национальных воспоминаний траур имеет большее значение, чем триумф: траур накладывает обязанности, траур вызывает общие усилия” [3].

Украинцы не злопамятны, и никогда не ставили задачи обвинить в геноциде украинского народа какой-то другой народ или социальную страту. Признание Голодомора 1932/33 годов ставило перед собой задачу самоочищения украинского народа от скверны большевизма – ведь политическая ответственность за установление того или другого властного режима лежит прежде всего на самих гражданах государства. Мы должны осознать, что все мы – нынешние граждане Украины – виноваты в том, что позволили большевизму утвердиться на нашей земле. Также как все немцы несут политическую ответственность за приход к власти Гитлера. Именно так смотрят на эту проблему в современной Европе. Преподавание трагических страниц в курсах истории преследует цель избежать повторения Голодомора, Холокоста, и других преступлений против человечности, этнических чисток и массового нарушения прав человека для лечения ран прошлого и для развития европейских фундаментальных ценностей. Вот это мы и считали решающим условием признания Голодомора геноцидом украинского народа (как демоса, а не этноса!), важным фактором примирения, признания, понимания и взаимного доверия между людьми.

Нам нечего стыдиться своих отцов и дедов – они жили и отстаивали свое достоинство, как умели, и нет стыда в том, что в какое-то время им довелось быть побежденными в борьбе за свободу и независимость. Ведь в конечном итоге наследники получили полное моральное право снова поднять флаг борьбы и победить. В публикуемых ныне материалах архива Службы безопасности Украины мы имеем возможность увидеть истинное лицо украинского повстанческого движения накануне Голодомора. Они напоминают нам, что геноциду Украине предшествовало около 5 тысяч восстаний. Восстания

охватили в первую очередь зерновые районы – Днепропетровщину, Запорожье, Донбасс, Луганщину, другие регионы центральной и восточной Украины. Эксплуатация, репрессии советской власти в сталинские времена вызвали массовый протест людей – в 1930-м количество протестующих историки оценивают в 1,2 миллиона. В первом полугодии 1932 года 56 % протестных выступлений в СССР приходились на Украину. Жертвами Голодомора в УССР, по оценке Национальной Академии наук Украины, стали 4,5 миллионов человек. Кроме трагедии на землях Украины, голод свирепствовал на Северном Кавказе, Кубани и Поволжье, где этнические украинцы также составляли весомую часть населения. Нынешние граждане Украины никогда не утверждали, что Голодомор касался только их предков. Но каждая держава из бывших республик СССР самостоятельно решает называть ли или не называть эту трагедию геноцидом и преступлением против человечности на своей территории [4].

И сегодня, когда в этом году 21 ноября одновременно поминают жертв Майдана и Голодомора 1932/33 годов, мы не можем не сравнивать положение с сегодняшним Донбассом. Именно там сепаратисты повторяют социальный эксперимент, который восемьдесят лет до этого провели их предшественники-большевики. Чтобы заставить людей трудиться в колхозах, их нужно было запугать. И не просто смертью – во время гражданской войны и смерть “на миру” была красна. Но большевикам необходимо было низвести крестьянина до биологического состояния, унижить в нем все человеческое. И им это удалось – человек терял социальную оболочку. Большевики попрали моральные устои: искусственно создавалась ситуация, когда, поделившись куском хлеба с умирающим, погибнешь сам. Однако делились. Хотя были и случаи, когда безумевшие от голода люди опускались до уровня каннибализма.

И, в конечном итоге, большевистский эксперимент удался. Отважные хозяева – колонисты Дикого поля – были низведены до уровня безвольных исполнителей. От их хозяйственности и трудолюбия не осталось и следа. После Голодомора в селах распространилось пьянство и воровство. Но главное – панический страх перед голодом. И страх перед властью, которая готова в любой момент отнять последний кусок хлеба. Произошла перезагрузка жизненных потребностей: колхозное крепостничество, бесправие и нищета – все отныне воспринималось как меньшее, по сравнению с голодом зло.

То же самое происходит сейчас в Донбассе. Боевики утюжат залпами “Градов” и минометным огням жилые массивы не просто так. Ведь еще весной у тамошнего населения были большие амбиции. Хотели зарплату как у России, стабильности как у Беларуси. Но сейчас ошалелые от ужаса люди психологически уже сломлены. Пережившие бомбежки стали похожи на наших стариков, переживших Голодомор. И те, и другие согласны на все, лишь бы избавиться от ужасов бомбежек. И они действительно не восстают, как не восставали сломленные Голодомором наши бабушки и дедушки. И им долго придется восстанавливать человеческое достоинство и свою растоптанную жизнь. Да еще научиться ходить по улицам без страха [5].

А потому, есть смысл подвести итоги социального феномена, известного ранее как Евромайдан 2013/2014 годов, а отныне ставшего нашим национальным праздником как День Свободы и Независимости. По всем меркам Гамбургского счета украинцы должны дать ответ на конкретный вопрос: стоило ли того все пережитое? Ответ этот, конечно же, каждый должен найти для себя индивидуально. Но, может быть, результаты социологических исследований облегчат поиск альтернатив.

Итак, к годовщине Евромайдана две авторитетные социологические фирмы – Демократические инициативы имени Илька Кучерива (Деминициативы) и Киевский международный институт социологии (КМИС) – провели с 8 по 18

октября 2014 года совместное исследование [6]. Согласно им в акциях протеста против власти в период с 30.11.2013 по 21.02.2014 всего участвовало 20 % населения Украины. В целом это очень большой показатель, хотя формы участия в Евромайдане значительно отличались: 5 % участвовали в акциях протеста в Киеве (а это свыше 2 млн. человек!); 6 % – в других городах и селах; а еще 9 % помогали митингующим (продуктами, вещами, деньгами). Не участвовали в событиях в целом по Украине – 81,6 %. По регионам этот показатель неучастия весьма неоднороден: Запад – 46,9 %; Центр – 80,9 %; Юг – 96,6 %; Восток – 95,1 %; Донбасс – 97,1 %.

Участие в протестных акциях Евромайдана существенно коррелирует с уровнем образования: 25 % граждан на Майдане были с высшим образованием; 15 % – со средним специальным образованием; 14 % – законченным средним; 7 % – с неполным средним. То есть, наиболее активно принимало участие в протестных акциях как раз наиболее образованное население, а средний образовательный уровень на главном Киевском Майдане был заметно выше не только среднего по стране, но и среднего по Киеву. На примере Киева различия по полу среди участников распределялись таким образом: мужчины – 7 % от опрошенных, а женщины – 3,5 %.

В понимании того, чем же, в конце концов, был Евромайдан, в целом по Украине преобладает мнение (38 %), что это была осознанная борьба граждан, объединившихся для защиты своих прав, а еще 17 % считают, что это был стихийный протест населения. В то же время, 31 % населения считает, что это был государственный переворот, причем 16 % предполагают, что этот переворот был подготовлен политической оппозицией, а 15 % уверены, что он был осуществлен при поддержке Запада.

Разительно отличается понимание того, чем же был Евромайдан, в региональном отношении. И именно в этом вопросе, на наш взгляд, определилось главная линия гражданского противостояния, которая повлияла и на дальнейшее течение событий на Донбассе. Так, с положением, что это была “сознательная борьба граждан, объединившихся для защиты своих прав” согласились: 70,5 % опрошенных на Западе; 47,9 % – в Центре; 20,1 % – на Юге; 22,3 % – на Востоке; 3,2 % – на Донбассе. И с противоположным утверждением, что Евромайдан был “переворотом, проведенным с помощью Запада”, согласилось: 2,4 % респондентов Запада; 5,4 % – Центра; 14,2 % – Юга; 15,4 % – Востока; 50,7 % – Донбасса.

Опираясь на данные исследования, социологи склонны видеть, что чем большая доля населения региона реально участвовала в борьбе на майданах (в разных городах и селах), тем менее склонны его жители считать это событие переворотом, и тем более видеть в этом руку Запада. И наоборот, эту оценку активно поддерживают люди, чьи знакомые на Майдане не бывали, и мнение свое они составили, прежде всего, по российским источникам – известным в этом пункте не просто своей необъективностью, но и злостными фальсификациями.

Интересные данные предоставила еще одна социологическая служба – Центр исследования общества. Они обратили внимание на то, что “насилие со стороны протестующих было ответом на насилие власти, а не наоборот”. Только 12 % протестов на площадях были насильственными, в то время как репрессиям властей подвергся каждый третий протест. Социологи отмечают проявившуюся специфику действий властей: кроме милиции четверть репрессивных функций осуществляли неизвестные так называемые “титушки”. Активную позицию занимали также суды – 13 % репрессий.

Всего за период с 21 ноября 2013 по 23 февраля 2014 в Украине было зафиксировано, по меньшей мере, 3950 протестных событий: 3235 из них были напрямую связаны с Евромайданом и происходили в его поддержку, а 365 можно

отнести к Антимайдану. Среди участников Майдана чаще всего сообщалось о таких партиях как “Свобода” (18 % акций); “Батьківщина” – 13 %; УДАР – 10 %; “Демократический альянс” – 3 %; Радикальная партия – 1 % протестных акций Майдана. Всего участие крайне правых сил (ВО “Свобода, Правого сектора и других украинских ультранационалистических партий, организаций и инициатив) было зафиксировано в 25 % протестов Майдана. Это, по мнению социологов, “противоречит пропагандистским картинкам российского телевидения, поскольку большинство протестов Майдана, судя по сообщениям, прошла без их участия, а роль Правого сектора была в разы преувеличена” [7].

Тезис об антиконституционном перевороте, навязываемый российской пропагандой среди населения Украины, несет на себе огромную идеологическую нагрузку в стиле “холодной войны”. Аргументы России в пользу вмешательства во внутренние дела Украины можно сгруппировать в нескольких тезисах: 1) смена власти в Украине привела к свержению главы государства, пришедшего к власти путем выборов, незаконна; 2) русскоязычное население на востоке Украины и в Крыму нуждается в защите от атак фанатиков и нарушения ими “прав человека”; 3) смена власти в Украине – прямая угроза военному присутствию России в Крыму и Черном море; 4) беспорядки в Украине могут обернуться для России масштабной проблемой беженцев; 5) народ в Крыму и на востоке Украины сам позвал на помощь Россию; 6) в Крыму был проведен демократический референдум.

По каждому из этих пунктов есть возражения. Во-первых, Янукович бежал в Россию и, таким образом, самоустранился от исполнения конституционных полномочий. Во-вторых, не было никакой ситуации в Крыму, которая бы угрожала безопасности русскоязычного населения. В-третьих, новое правительство в Украине заявило о намерении придерживаться международных соглашений и не угрожало российскому военному присутствию. В-четвертых, проблема беженцев возникла только после вторжения российских войск и наемников в район Донбасса, а не до вторжения. В-пятых, решение о вмешательстве иностранных вооруженных сил может быть принято лишь Верховной Радой Украины. В-шестых, так называемый референдум в Крыму состоялся в присутствии российских танков и в условиях ограниченной свободы, а потому ничтожный с самого начала.

А всем тем, кто в России обвиняет руководство Украины, что оно пришло к власти “вооруженным антиконституционным путем”, и лишь “после переворота были проведены выборы”, следовало бы напомнить устоявшееся в общественной мысли Европы положение известного мыслителя Карла Яспера о законности свержения власти “преступного государства”. Правда состоит в том, что свергнуть “преступное государство” конституционным путем невозможно по определению. Ведь главной характеристикой такого государства является то, что оно “в принципе не создает и не признает правопорядок. То, что называется правом и что это государство рождает в потоке законов, представляет для него средство для усмирения и покорения народа, а не нечто такое, что оно само уважает и соблюдает” [8].

Так что же, в конце концов, произошло в Украине осенью-зимой 2013–2014 годов? Прежде всего – осознание преступности режима Януковича широкими массами населения. Это осуществилось тогда, когда миллионные протестные акции засвидетельствовали, что украинский народ поднялся до понимания необходимости нравственно-политической революции. Вот это озарение необходимости и желания “жить по-новому” и стало для нас предпосылкой перспектив на будущее. Украинцы решили начать все сначала и радикально разрушить мосты, связывающие нас с бывшим преступным государством и ориентироваться на принятие европейских ценностей.

И, наоборот, в России, по оценке авторитетного российского исследователя Игоря Зевелёва, под влиянием массивной пропаганды “абстрактно понимаемый “Запад” стал восприниматься как сила, стремящаяся распространить свои ценности и образы на русский мир, покушаясь тем самым на то, чтобы изменить уникальную – и все более консервативную – российскую национальную идентичность”. Революционные события в Украине, которые были интерпретированы в Москве как государственный переворот, инспирированный Западом на территории “русского мира”, подвинул Кремль “секюритизировать эти вопросы, то есть перевести их в разряд важнейших для выживания нации и государства”, что на практике вылилось в “захват большим государством части территории более слабого соседа” [9].

Вот так и образовалось принципиальное различие между народами украинским и российским. И состоит оно ныне в степени осознания ими необходимости внутреннего очищения, духовного возрождения и повышения политической ответственности за судьбы мира. Президентские выборы в Украине продемонстрировали, что в первом же туре голосования осуществился качественный скачок в осознании гражданами Украины необходимости переплавиться, возродиться и отбросить все пагубное. То же показали и выборы в Верховную Раду Украины – по общенациональному округу в нее не прошли ни коммунисты, ни “Свобода”, ни “Правый сектор”. Так что обвинения Украины в экстремизме оказались “дутыми”. А вместо этого на повестку дня были поставлены задачи, достойные и народа в целом, и каждого в отдельности.

“Гибридная война” – во всей своей наготе

В итоге, мы подошли к основному вопросу – что же собой представляет эта самая “гибридная война”, упомянутая Сергеем Лавровым? Обратимся к российским источникам, знающим о проблеме не только в теории, но и на практике агрессивных действий против Украины. Впрочем, сама по себе Украина для массы российских экспертов как бы и не представляет особой заботы. Здесь ставки повыше: в мире, мол, происходит эпохальная борьба России против США, которые пытаются “удержать экономическое и политическое доминирование, поставленное под вопрос экономическими и геополитическими переменами на международной арене”. А Украина – это так, фрагмент этого большого противостояния США и России. И потому российский эксперт в области международной безопасности некий полковник в отставке А. О. Гилёв и начинает свой анализ именно с этого пункта: *“Украинский кризис продемонстрировал, что мир вступил в новую реальность, определяющей характеристикой которой является конфронтация. Запад ввязался в борьбу с Россией, и это часть его противостояния со всем независимым, незападным сообществом... Россия – единственная глобальная сила, способная и готовая к противодействию в военном и идеологическом плане”* (курсив наш. – Авт.) [10].

А раз это Запад ввязался в войну с Россией, а вовсе, как оказывается, не Россия с Украиной, то по логике российских аналитиков и сама “гибридная война” (она же “многомерная”) является изобретением американцев. Россия же, дескать, вынуждена лишь приспособливаться и адекватно реагировать на происки американцев, поскольку “с волками жить – по-волчьи выть”. Стратегия же этой войны нацелена не на разгром противника, а на его “удушение”. Проблема заключается в том, что в условиях глобально интегрированной экономики и наличия у многих стран оружия массового уничтожения полномасштабная (даже локальная) война бесперспективна и чревата неприемлемым уроном. К вероятным затратам на нее не готовы ни экономика, ни граждане подавляющего числа государств. Но, утверждают российские аналитики, только не Америка. Ее доминирование на мировых финансовых

рынках, в сфере передовых технологий, контроль над глобальными информационными потоками позволяет Штатам оказывать разностороннее давление, не менее разрушительное, чем вооруженный конфликт.

Вот в этом Россия и видит для себя главную опасность. А потому и исходит сейчас из того, что *современная война многомерна. Эта война сочетает информационное, военное, финансовое, экономическое и дипломатическое воздействие на противника в реальном времени.* Предполагается, что массированное и координированное использование всех невоенных методов может оказаться достаточным, чтобы запугать и ослабить оппонента, сведя применение Вооруженных сил к минимуму. Для успеха необходимо, *во-первых, обеспечить как можно более полную международную изоляцию объекта воздействия, а во-вторых, заручиться возможностью оказывать на него давление изнутри.* Здесь большое влияние оказывает наличие безграничного информационного пространства. Расширение общения *через социальные сети позволили выработать эффективные методы взаимодействия с группами населения внутри других стран, способствующие тому, чтобы виртуально направлять идеологическую, этническую или религиозную оппозицию.* Особенно это стало заметным в последние два десятилетия, когда военные, разведывательные и информационные органы отладили технологию “опосредованного вмешательства”, часто используя приграничные страны и регионы в качестве базы.

Отмеченные выше теоретические установки для российских аналитиков – всего лишь присказка. А сказка – вот она. Оказывается, Россия, хотя она и обладает потенциалом ядерного сдерживания, может не прибегнуть к прямому ответу этими средствами. И тут то, пишет Гилёв, при отсутствии угрозы встречного удара, развязываются руки американцев “для применения практически всех остальных методов, способных нанести удар Москве – от санкций и технологического саботажа до информационных провокаций”. А потому американцам и представился случай выставить Россию в роли агрессора, дабы подорвать ее международные позиции: “На Украине ловушка сработала. В скором времени к “украинскому фронту” могут добавиться кавказский и центральноазиатский. В этих регионах мы можем столкнуться с организованными бандами исламистов и наемников под явным или неявным иностранным руководством (по модели нынешних событий в Ираке)”. То есть, исходя из позиции Гилёва, Россия выступает здесь в роли такой себе невинной жертвы, попавшей в ловушку из-за происков ее противников, когда “многомерную войну как таковую мы еще не распознали и поэтому не готовы ее вести” [11].

Здесь остается только воскликнуть: полноте, зачем же прикидываться “казанской сиротой”? Не лучше ли вспомнить научный доклад начальника Генерального штаба ВС России генерала армии Валерия Герасимова на собрании Академии военных наук в феврале 2013 года. Фактически еще за год до операции в Крыму и последующих событий главный российский военачальник почти один к одному представил то, что через год случилось в Украине: “Войны уже не объявляются, а начавшись – идут не по привычному шаблону... Вполне благополучное государство за считанные месяцы и даже дни может превратиться в арену ожесточенной вооруженной борьбы, стать жертвой иностранной интервенции, погрузиться в пучину хаоса, гуманитарной катастрофы и гражданской войны”. По существу весь пафос выступления генерала Герасимова сводился к тем особенностям вооруженного конфликта, которые напрямую перекликаются с дальнейшими событиями в Крыму и на юго-востоке Украины: “Акцент используемых методов противоборств смещается в сторону широкого применения политических, экономических, информационных, гуманитарных и

других невоенных мер, реализуемых с задействованием протестного потенциала населения. Все это дополняется военными мерами скрытого характера, в том числе реализацией мероприятий информационного противоборства и действиями сил специальных операций. *К открытому применению силы зачастую под видом миротворческой деятельности и кризисного реагирования переходят только на каком-то этапе, в основном для достижения окончательного успеха в конфликте* (курсив наш. – Авт.) [12].

Дальше генерал Герасимов откровенно определил, какие формы борьбы, и способы их применения Россия собирается использовать в дальнейшем. Не вдаваясь в военный аспект проблемы (это не предмет нашего исследования), хотели бы лишь акцентировать на том, что никакой большой тайны этот аспект не составлял. Текст выступления был опубликован на сайте Еженедельник “Военно-промышленный курьер” (<http://www.vpk-news.ru>) еще в феврале 2013 года, а потому ссылки некоторых украинских авторов на то, что для Украины все это оказалось неожиданностью, звучат не то что неубедительно, а прямо таки безответственно. А ведь в выступлении Герасимова речь шла о том, что фронтальное столкновение крупных группировок войск (сил) на стратегическом и оперативном уровне постепенно уходит в прошлое. Дистанционное бесконтактное воздействие на противника становится главным способом достижения целей боя и операции. Поражение его объектов осуществляется на всю глубину территории. Стираются различия между стратегическим, оперативным и тактическим уровнем, наступательными и оборонительными действиями. Применение высокоточного оружия приобретает массовый характер. В военное дело активно внедряются вооружения на новых физических принципах и роботизированные системы. Одной из форм применения формирований Вооруженных Сил за границей является миротворческая операция.

Что особо хотелось бы выделить в этом ряду форм противоборства, так это то, что “широкое распространение получили асимметричные действия, позволяющие нивелировать превосходство противника в вооруженной борьбе. *К ним относится использование сил специальных операций и внутренней оппозиции для создания постоянно действующего фронта на всей территории противостоящего государства, а также информационное воздействие, формы и способы которого постоянно совершенствуются* (курсив наш. – Авт.)” [13]. Поэтому, считаем мы, все разговоры о романтиках-ополченцах Донбасса, ставших на защиту своих сел и городов под флагами ЛНР и ДНР – все это от лукавого. Все они являют собой составную часть подразделений агрессора. А потому по отношению к ним только и остается один формат поведения – осмобождать от них оккупированные территории.

Стоит ли отталкиваться в определении новых форм агрессивной политики России от выступления Герасимова в феврале 2013 года? Конечно же, нет – это выступление было скорее уже напутствием на практические свершения после осуществленной военной реформы, которая началась в России еще в 2008 году после “пятидневной войны” с Грузией. Не будучи военными экспертами, сошлемся при анализе реформы на мнение главного редактора российского журнала “Moscow Defense Brief” Михаила Барабанова (независимый аналитический центр). Согласно свидетельству с его стороны, замысел военной реформы 2008 года состоял в решении отказаться от традиционной мобилизационной армии и оставить только силы постоянной готовности. Этот курс подкреплялся сменой доктринальных установок относительно национальной безопасности России. Судя по всему, крупномасштабная конвенциональная война между ведущими странами мира была признана Москвой практически невероятной. Поэтому *вооруженные силы России должны*

были переориентироваться с участия в масштабной войне с несколькими противниками, на возможное участие в локальных конфликтах на границах России, на территории стран СНГ и ближнего зарубежья. Соответственно было решено отказаться и от мобилизационной системы, которая в существовавшем виде являлась анахронизмом. Защита от других великих держав (в первую очередь от США и НАТО) теперь возлагалась почти исключительно на стратегические ядерные силы. В то же время воздушно-десантные войска (ВДВ) были усилены. В 2012 году было создано Командование сил специального назначения (ССН) и киберкомандование.

Первой значительной проверкой реформирования российских вооруженных сил “нового облика” стал украинский кризис. Дальше предоставим слово самому Михаилу Барабанову: “Осуществлённая в конце февраля – начале марта 2014 г. скрытная российская военная интервенция в Крым ошеломила многих, заставив даже ряд наблюдателей на Западе и на Украине говорить о некоей новой “гибридной войне”. Действия, направленные на силовое прикрытие крымского пророссийского движения и обеспечение невмешательства в события на полуострове украинских силовых структур, были действительно спланированы и осуществлены весьма остроумно и эффективно. В роли “вежливых людей”, как теперь известно, выступали подразделения российских ВДВ и бригад спецназа, а также подразделения ССН, что стало фактически их дебютом”. Отвлекающая массированная переброска войск в северные регионы России позволила “замаскировать переброску нескольких тысяч военнослужащих спецназа и ВДВ в Крым. Одновременно начали выдвижения частей к российско-украинской границе, призванное оказать давление на Украину с целью недопущения использования ею военной силы в Крыму” [14].

Что и говорить, ситуация для Украины складывалась крайне неблагоприятно. Быстрое сосредоточение в Крыму российских войск и блокирование ими находящихся там гарнизонов Вооруженных Сил Украины вкупе с развертыванием российских войск на границе практически исключили для Киева шансы на эффективное вооруженное сопротивление. В результате 17 марта Крым был присоединен к России – менее чем через месяц после начала операции. Казалось бы, Россия должна была торжествовать. Но “ирония истории” уже в который раз сыграла свою злую шутку. Проблема Крыма существовала в России всегда. Но во времена Ельцина победила точка зрения, что захват Крыма отвергнет Украину от России. При президенте Путине возобладало другое мнение, хотя, по мнению Барабанова, присоединение Крыма “скорее ухудшало стратегическое положение России, поскольку вело к полной антагонизации Украины. Устранить эту угрозу можно было, либо радикально изменив политический курс Киева, либо резко ослабив Украину тем или иным способом – лучше всего путем ее расчленения и присоединения к России русскоязычных областей юга и востока страны, составляющих так называемую Новороссию. В этих условиях “второй тур” на Украине стал неизбежным, тем более что русскоязычное население юга и востока было вдохновлено присоединением к России Крыма. С начала апреля по Украине прокатилась волна протестов и захватов административных зданий, а в Донбассе возникли вооруженные группы, провозгласившие создание Луганской и Донецкой народных республик (ЛНР и ДНР). Кульминацией событий стало прибытие 13 апреля в Славянск группы Игоря Стрелкова из Крыма” [15].

Эйфория сепаратистов, однако, длилась не долго. Украинские власти объявили на Донбассе антитеррористическую операцию (АТО), начав сосредоточение сил для подавления сепаратистов. В свете резко негативной реакции Запада, Москва тоже стала лавировать, занимая двусмысленную позицию относительно признания ЛНР и ДНР. Украина, в свою очередь, под

влиянием угрожающих заявлений Москвы, но не получая надежных гарантий со стороны Запада, тоже старалась занять осторожную позицию, пытаясь ограничиться чисто полицейскими акциями в Донбассе. К тому же значительная часть украинских войск была нацелена на противодействие прямой российской интервенции. Тем не менее, к концу апреля наращивание украинских сил в разворачивающейся АТО начало переводить борьбу в Донбассе в стадию вооруженного противостояния. Для России, по свидетельству того же Барабанова, это оказалось полной неожиданностью: “Судя по всему, российское руководство оказалось не готово к решительным действиям на Украине, к тому же в условиях усиливающегося санкционного нажима Запада. Видимо, в Кремле переоценили масштабы пророссийского “активизма” на юге и востоке Украины, слабость новой украинской власти, и недооценили силу украинского национализма и заинтересованность элит в сохранении “самостийности” и своего места в ней. На заседании Совета безопасности России 24 апреля было принято решение отказаться от ввода войск на Украину в поддержку восстания в Новороссии. В мае начался отвод значительной части российской группировки от границ, а 1 июня Совет Федерации по запросу Кремля отозвал формальное разрешение на применение вооруженных сил на Украине” [16].

Начиная с июля, проводилось повторное усиление российской группировки на границе с Украиной – как можно судить, главным образом для сковывания украинских сил в их действиях против сепаратистов. Российская сторона сосредоточилась на поставках вооружения и техники, а затем и прямым ограниченным участием в боевых действиях – разведкой, действиями артиллерии и отдельных общевойсковых и специальных подразделений, о чем свидетельствует поражение истощенных украинских войск под Иловым в конце августа. Однако, считает российский аналитик, с точки зрения проводимой в России реформы, “полноценная война России с Украиной так и не состоялась, что не дало возможности провести масштабную проверку армии “нового облика”. Что касается проблем украинской армии – оставим этот сюжет для проработки украинскими военными аналитиками.

Тем не менее, обратимся к выводам, к которым пришли российские аналитики, и которые, судя по всему, могут представлять интерес и для украинской стороны. На вопрос: *как же выглядит сегодня “многомерная” или “гибридная” война*, они обращают внимание на следующее. *Во-первых*, это война всеобъемлющая, с использованием всех средств одновременно, когда и военные и невоенные формы воздействия дополняют друг друга. Разнообразие задействованных средств создает у объекта атаки ощущение потери контроля над ситуацией, когда необходимо одновременное планирование и координация в реальном времени акций, в которых в один и тот же момент задействованы спецслужбы, финансовые органы, дипломатия, глобальные информационные источники, неправительственные организации, а также регулярные и наемные вооруженные формирования.

Во-вторых, это перманентная война, рассчитанная на достижение цели измором, подрыв изнутри с использованием слабых мест противника. Она может идти фазами – через обострения и “перемирия”, чем и отличается нынешняя ситуация в украинско-российских отношениях. Мы должны твердо себе уяснить, что тысячи мелких ударов преследуют цель измотать, задушить, обескровить, одновременно ведя переговоры и предлагая альтернативы, склоняя на свою сторону, завоевывая симпатии недовольных и фрондеров внутри страны.

И, наконец, *в-третьих*, что особенно важно в нашем случае, “гибридная война” – это война идеологическая. Она ведется, пишут российские аналитики, прежде всего, за людей, за их взгляды и убеждения, а лишь потом за территорию: “для ее ведения требуется мобилизация во многих областях – от

морпехов до хакеров, от банкиров до журналистов. А это немыслимо без идеологической обработки собственного населения... Необходимым условием является формирование картины мира, разделенного на “хороших” и “плохих”. Поскольку любая операция призвана воздействовать на людей, пропагандистская составляющая едва ли не самая главная. Особое значение приобретает привлечение на свою сторону СМИ – как их руководства, так и рядовых репортеров – для превращения органов информации в информационно-психологическое оружие” [17].

Альтернативы преодоление кризиса

Но после каждой войны наступает мир. Каким он будет для одурманенного информационно-психологическим оружием населения по обеим сторонам этого “фронта без тыла”? Окончательный ответ здесь можно будет дать только после преодоление кризиса в украинско-российских отношениях. Только тогда воочию будет видно, что сильнее: информационно-психологическое оружие политтехнологов России, или морально-психологическое единство народа Украины? Ведь любое государство крепко настолько, насколько крепок его невидимый социальный капитал – солидарность и доверие друг к другу его граждан.

Но все же – как видит ныне возможное преодоление этого кризиса российская сторона? При анализе многих витиеватых “загогулин” политиков суть их зачастую очевидна: Россия хочет даже не федерализации Украины, а ее конфедерализации с целью гарантированного блокирования любого продвижения Украины в европейское сообщество. И таким блокиратором, своеобразным аварийным “стоп-краном”, должен выступать Донбасс. А вот Крым – это трактуется как уже совершенно другая история. Крым считается чем-то таким, что вообще не подлежит пересмотру. Хотя оба эти вопроса – Донбасса и Крыма – тесно увязываются между собой.

Каким образом? Об этом многие из высшего эшелона власти говорят достаточно откровенно: то ли на жаргонном языке того же Владимира Жириновского (вспомним его официальное обращение к Польше на счет раздела Украины), то ли желчно-иезуитскими устами Константина Затулина. Так, например, Затулин заявляет, что “российско-украинские отношения, плохие или хорошие, обречены остаться. Как их выстраивать, если потеряв Крым, Украина получила от России взамен “крымский синдром” – фантомную боль, которая может быть посильнее настоящей? *На этот вопрос у России, теоретически, могут быть только два варианта ответа. Или Украина развалится на несколько Украин – и тогда никто не сможет сказать, какой из них следует вернуть Крым и Новороссию”, или же “Украина сохранится на карте – без Крыма, но с Новороссией, занявшей его место в российско-украинских отношениях (курсив наш. – Авт.)”* [18]. То есть, Новороссия рассматривается как проект, который специально готовился “под слив” при окончательном решении вопроса об аннексии Крыма.

Да тут вышла заминка. Кто же в России в пылу эйфории мог предполагать, что замышлялось одно, а потом выплывет на свет Божий, стара как мир, иррациональная проблема, когда хвост начинает крутить собакой. И в этой ситуации даже такой патентованный украинофоб как Глеб Павловский, озвучивая мнение определенных кругов России, обращает к президенту РФ Путину слова Хлудова из булгаковского “Бега”: “Ты хорошо начал, солдат, но плохо кончил”. А дальше идет интерпретация этого образа: “Путин хорошо начал. А сегодня у меня такое ощущение, что он испугался... Испугался самого себя. Куда идти дальше. Дальше-то что?.. Очень заметен разрыв между Крымом и последующими действиями. Видно, что дальше все шло как импровизация или реакция на чужие действия. Люди, боящиеся будущего, запрещают себе

обдумывать выбор пути. Когда у тебя не поставлены достижимые цели, начинаешь колебаться между двух полюсов – то ничего не делаешь, то ввязываешься в колоссальный конфликт. Если посмотреть на прошедшее лето, мы все время балансировали между растерянностью и войной. При этом войны не хотели, но не знали, что делать, если не воевать? В таких случаях, как говорить, только Бог помилует от беды” [19].

А ведь замышлялось вроде бы все по науке. *Исходили из того, что в Украине существует русская ирредента* – та же диаспора, но компактно проживающая на сопредельной территории к России. Вот тут, мол, и появляется шанс разжечь сепаратистские настроения, посулив рай земной на присоединенной к России территории, и тем самым внести дестабилизацию в общественно-политическую жизнь Украины. Было завезено оружие, проплачены активисты, пролилась кровь, в социум был внесен раскол. Об этом образно пишет известный российский журналист Андрей Бабицкий. При отсутствии какой-то значимой элиты, на Донбассе из полукриминальной и криминальной среды, с психологической установкой на то, что “винтовка рождает власть”, стала возвращаться “новая общность – людей, спянных войной, получивших силу от ощущения причастности к истории. Они уверены, что им дано перевернуть реальность с помощью автоматов и систем залпового огня. Это, конечно, так, но войны заканчиваются, и жизнь требует возвращения в повседневный формат. Я видел, какой трагедией оборачивается для людей необходимость расстаться с оружием и чувством исторической значимости своего поступка. Здесь будет так же” [20].

Дать в руки оружие легко, но отобрать его уже трудно. Донбасс вошел в процесс со всеми старыми болячками: криминалом, вороватостью, отсутствием привычки уважать закон и т.д. В среднем и мелком бизнесе начался масштабный перелом под названием “взять под внешнее управление”. Собственник уехал, закрыл свое дело, ДНР приходит и открывает его без ведома хозяина. Объясняют это тем, что городу необходимы работающие предприятия, а людям зарплаты. Но ведь смена форм собственности – это вечный спутник гражданской войны. Остается надеяться на помощь Москвы. Но на Донбассе, пишет Бабицкий, уже кое-кто начинает понимать, что в России свои проблемы: “огромная страна под санкциями, рубль валится, уровень жизни падает. Кремль вынужден вести сложную игру: где-то нажать, где-то отступить. И если в какой-то момент ему понадобится пожертвовать интересами Донбасса, он это сделает не задумываясь”. А на Донбассе свои болячки: “уголь у нас дороже, чем в России, потому что его там добывают открытым методом, а мы в шахтах. Нужен какой-то перелом. А какой перелом, если война продолжается и мы в изоляции” [21].

Кроме того, следует учитывать международный резонанс вокруг проблемы Донбасса. *Никто в мире не хочет какого-то нового “косовского прецедента”.* Каждая страна имеет ирреденту в соседней стране – то ли большую, то ли меньшую. И если каждая из меньшинств станет на путь сепаратизма, то это взорвет устоявшийся порядок в мире. Одно дело, когда какое-то меньшинство начинает бунтовать против правительства того государства, гражданами которого они являются. Это может быть воспринято международной общественностью как нечто легитимное, как борьба за права человека. Но когда, пишет старший советник Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон) Эдвард Люттвак, *в эти действия местного населения вовлекается иностранное государство*, поощряет или участвует в них, поддерживая всеми доступными средствами – тогда *то, что делает местное население, не играет уже никакой роли. Это автоматически квалифицируется как столкновение противоборствующих государств.* Просто потому, что вовлечено другое государство. Тем паче вовлечено с применением армии или флота. Пусть и с поддержкой из числа из местного населения. У любого крупного внешнего

игрока на поле малого всегда есть поддержка среди местного населения. Таким образом, “украинский прецедент не имеет пока ничего общего с делом объединения наций. Это не вопрос того, что одни русские хотят объединиться с другими русскими. Здесь речь идет о геополитических интересах российского государства: с его деньгами, тайными и явными операциями, при помощи которых оно хотело спровоцировать выгодные этому государству изменения на территории Украины” [22].

Российские политики пытаются уйти от этого ясного вопроса, несколько замутив проблему тем, что, мол, Украина в отношении к России вроде бы и не государство, а так себе – вечный исторический сателлит и этнографический донор. Так, бывший глава Администрации президента России Александр Волошин рисует эту “картину маслом” следующим образом: “Украина для нас... при всем уважении к украинской независимости, это что-то совсем близкое. Если сравнивать наши отношения, допустим, в параметрах Великобритании, я бы сравнил это с отношениями между Англией и Уэльсом. Это совсем близко, даже не между Англией и Шотландией. Это реально довольно близкие отношения”. И далее: “Из этого не должно вытекать, что мы будем готовы обсуждать статус Крыма” [23]. Мол, взяли свое, и никто нам не указ.

Вот в этом и состоит главная ошибка. Мир то ведь изменился, он глобализировался и стал взаимозависимым. Мир бросил свой вызов времени, на который следует отвечать, ведь судьба ведет умного за руку, а дурака тащит за ворот. Сейчас аналитики приходят к пониманию того, что целостной и ориентированной на будущее модели развития в России не сложилось. Так, Федор Лукьянов, редактор журнала “Россия в глобальной политике”, с тревогой констатирует, что двигаясь по сложной и хаотической траектории, *Россия застряла между двумя состояниями. Страна так и не стала равноправной частью мировой экономики, которая извлекала бы полноценные дивиденды из глобализации. Но и интегрировалась в нее в достаточной степени, чтобы испытывать на себе все потрясения на мировых рынках.* В какой-то момент промежуточная ситуация стала тяготить всех – и сторонников дальнейшей интеграции, и приверженцев более изолированного развития. Но движения ни в ту, ни в другую сторону не происходило по целому ряду причин как внутреннего, так и внешнего свойства. Но вот вдруг на наших глазах возник “момент истины”: *“Украинская коллизия сломала тренд, создав совсем другую ситуацию, которая может дальше развиваться в разных направлениях.* Теперь все больше, чем прежде зависит от нас самих – внешние источники роста либо закончились, либо отсечены из-за политической ситуации. России необходима концепция экономического прорыва с опорой на внутреннюю инициативу и человеческий капитал, внешних стимулов ожидать больше не приходится (курсив наш. – Авт.)” [24].

И вот в это самое время, когда цели для России по-прежнему не поставлены, когда общество не знает, куда двигаться дальше, машина власти тем временем в сегодняшнем стратегическом поле не работает. Более того, она делает ошибки, а люди, спасаясь, начинают каждый решать свои проблемы отдельно. И в этой ситуации, замечает Глеб Павловский, было бы ужасно, если бы Путин забыл, что он же управляет не Новороссией, а Россией, и что не его заботой должно быть обдумывание ситуации, как организовать власть в Луганске и Донецке: “Сейчас настало время поворота к будущему времени для страны. Когда ты повернешься к реальным делам, тебя перестанут мучить кошмары санкций и мысли о том, подал ли руку какой-то премьер. В принципе ведь задача санкций не столько в том, чтобы сделать тебе больно, а чтобы ты каждый день думал о них, пока эти переживания не съедят твой мозг”. Конечно, каждое государство может поставить себе какую-то цель – то ли реальную, то ли фантастическую. Этим

можно заниматься на досуге, “но только в том случае, если мы останемся Россией, а не превратимся сами в Новороссию у себя дома... Когда гаснет понимание стратегической цели – долгосрочной, среднесрочной, промежуточной, – остаются одни эмоции, распалые из “Останкино” по вашему же указанию. Такое кончается плохо. Но не обязательно так плохо, как мы думаем, – это может кончиться еще хуже” [25].

Конечно, можно сказать, что не только Россия, но и государства побольше и помощнее тоже пребывают в поисках стратегического проекта будущего. Сейчас ведутся споры, каков проект будущего выдвинут США, а каков будет от Китая. Однако, при всех раскладах, складывается впечатление, что Россия в выигрыше не будет ни при каких обстоятельствах. Прислушаемся к авторитетному мнению программного директора Российского института по международным делам Ивана Тимофеева: “Украинский кризис хорошо иллюстрирует сложившуюся ситуацию. Россия заняла жесткую позицию, действует на опережение, заявляет о себе как о державе, с мнением которой нужно считаться. Сейчас видно, что наша страна вряд ли отступит от взятого курса. Однако оппоненты будут отвечать России не только и не столько политическими методами. Они будут пытаться не допускать Россию к глобальным источникам роста и развития. Причем давление будет мощным и консолидированным. А Россия будет в этой игре без надежных союзников” [26].

В создавшейся ситуации, по мнению российского исследователя Тимофеева, Россия оказалась в ситуации шахматного цугцванга, – какой бы ход она не предприняла, она будет в проигрыше. *В случае жесткой конфронтации с Западом* повысится рост консолидированного давления на Россию, как в сфере безопасности, так и в сфере экономики. Произойдет ее дальнейшая маргинализация, выталкивание на мировую периферию, отсечение от финансовых, технологических и иных источников роста. В данном сценарии России выстоять будет крайне сложно.

Второй сценарий – *значительные уступки Западу*. В создавшихся ныне условиях, как показало заседание “большой двадцатки” в Брисбене (Австралия, ноябрь 2014 г.), этот сценарий окажется тоже негативным, поскольку возвращение в глобальный мир в этом случае будет несравненно более дорогим. Кроме того, уступки вовсе не гарантируют того, что Россия не будет зажата в угол в будущем и сможет преодолеть существующие проблемы развития.

Поскольку оба сценария для России оказываются неприемлемыми, то *страна объективно становится заинтересованной в смене существующего миропорядка*. Она заинтересована в многополярности мира, что гарантировало бы ей наличие нескольких источников роста и развития. Но Россия вряд ли может выстроить такой миропорядок самостоятельно. В отличие от Советского Союза, у нее нет даже проекта, который можно было бы предложить остальным странам. А между тем будущее международных отношений, скорее всего, будет связано с конкуренцией проектов мироустройства.

Такие проекты нам хорошо знакомы. *Один из них – либеральный западный подход, предполагающий сохранение и развитие имеющейся модели глобализации. Другой подход будет апеллировать к издержкам западной модели, к проблеме неравенства и распределения ресурсов.* Кто возьмет на себя роль лидера глобального левого проекта? Ответ очевиден. *Это будет Китай.* Если конфронтация России и Запада пойдет слишком далеко, то России будет более выгоден второй вариант. В этом случае она может попробовать встроиться в китайскую модель. Но рассчитывать на то, пишет Тимофеев, что Россия в ней будет равноправным партнером, не приходится.

Наконец, *последняя альтернатива для России – попытаться сохранить за собой самостоятельную роль, играть сразу на нескольких досках: не обострять*

до предела конфронтацию с Западом и одновременно избегать зависимости в отношениях с Китаем. То есть, маневрировать, попутно решая проблемы собственного развития – технической отсталости, качества жизни, эффективности государственного управления и т.п. Но тогда, в силу ограниченности ресурсов России и множества проблем, стоящих перед ней, именно дипломатия, а не военная сила, должны стать ключевым инструментом ее внешней политики. *И тогда, добавим мы, “гибридная война”, в том виде, какой она приобрела сегодня, изживет себя.*

Но это проблемы России, источников ее возможной модернизации. А пока что Украину беспокоит то, что в отчаянной ситуации Россия может пойти на риск обострения отношений с Украиной. *Беда вся в том, что для России Украина – это скорее внутренний вопрос. Указанный тезис демонстрирует полное отсутствие у российских политических элит восприятия Украины как независимого государства, агрессия против которого способна дорого обойтись российской экономике и общим позициям в мире. А потому в треугольнике Россия-Украина-Запад Россия демонстрирует безальтернативность своих интересов в Украине, в то время как Запад, и прежде всего США, для которых Украина никогда не входила в сферу жизненных интересов, предельно осторожны и сдержаны в своих попытках воздействия на Россию [27].*

Украине приходится лишь надеяться, что дальнейшее развитие событий, возможно, изменит баланс сил в сторону усиленной поддержки Западом Украины. И для этого есть все основания. Взять хотя бы первое интервью посла США в России Джона Теффта после вручения им верительных грамот президенту РФ Владимиру Путину. Посол четко и однозначно подтвердил известную позицию США о том, что: 1) “мы по-прежнему твердо придерживаемся принципа: страны имеют суверенное право выбирать, в какие политические, экономические и военные союзы им входить. И другие страны не могут наложить вето на это право”; и 2) “вы не можете просто аннексировать территорию другого государства, какими бы историческими мотивами вы не руководствовались. А в Крыму именно это и произошло. Надеюсь, что этого не произойдет на востоке Украины”. Продолжая сотрудничество между США и Россией, заявил посол, “это не значит, что мы просто возьмем и забудем об Украине. Это проблема, и ее надо решать” [28].

А пока нельзя исключать возможности обострения ситуации в Харькове или Одессе. Никуда не делся вариант прокладки сухопутного коридора через Мариуполь. Во всяком случае, Россия будет изыскивать варианты для подпитки нестабильности в регионе. То, что Запад продемонстрировал нежелание торговаться по вопросу Крыма, становится важнейшей внутривосточной проблемой, так как сдача оккупированной территории будет восприниматься националистическими силами России как акт предательства со стороны президента. Поэтому ему на данный момент отступать абсолютно некуда. Как следствие, он, судя по всему, будет поддерживать определенный градус напряженности и, таким образом, отслеживать, как будет развиваться ситуация и действовать по обстановке.

Что будет в дальнейшем – трудно представить. Но, как показывает монитор СМИ, в самой России среди аналитиков возникает ощущение, что страна готовится отметить 100-летний юбилей Великого Октября чем-то нестандартным. Во что это выльется, одному Богу известно.

gosudarstv-17014 23. *Российским* интересам соответствует единая Украина. – Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Rossiiskim-interesam-sootvetstvuet-edinaya-Ukraina-16941> 24. *Чувство* глубокого неудовлетворения. – Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Chuvstvo-glubokogo-neudovletvoreniya-17134> 25. *Павловский Г.* “Президенту надо выйти из круга старых друзей”. – Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Prezidentu-nado-vyiti-iz-kruga-starykh-druzei-17132 26. *Тимофеев И.* Волки и зайцы. Что ждет Россию в меняющемся миропорядке? – Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Volki-i-zaitcy-cto-zhdet-Rossiiu-v-menyayushemsya-miroporyadke-17121> 27. *Синовец П.* Кто кого: Украинский кризис, санкции Запада и попытки сдерживания России. – Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Ktj-kogo-Ukrainskii-krizis-sanktcii-Zapada-i-popytki-sderzhivaniya-Rossii-17073 28. *Тедффт Дж.* “Наши двери все еще открыты для россиян. – Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Nashi-dveri-vse-esche-otkryty-dlya-rossian-17140> 29. *Конгресс* интеллигенции вновь пытается остановить российскую агрессию. – Доступно: <data:text/html;charset=utf-8,%3Cheader%20style%3D%22box-sizing%3A%20border-box%3...>

Василь Ткаченко, Микола Дорошенко

“ГІБРИДНА ВІЙНА”: ВИТОКИ І ПОЛІТИЧНІ НАСЛІДКИ

У статті аналізується “гібридна війна” Росії проти України, коли доповнюють один одного військові й невійськові форми діянь, розраховані на досягнення цілі змором, підлив зсередини з використанням сепаратистів і фрондерів всередині країни.

Ключові слова: “гібридна війна”, “багатовимірна війна”, сепаратисти, кризове реагування, високоточна зброя, миротворча операція, анексія Криму, ЛНР і ДНР, Новоросія, конфедералізація, ірредента.

Vasyl Tkachenko, Mykola Doroshenko

“HYBRID WAR”: ORIGINS AND POLITICAL IMPLICATIONS

The article analyzes Russia’s “hybrid war” against Ukraine that combines military forces with unconventional warfare and involves partnering with separatists and insurgents to wear down and destabilize the country from within.

Key words: “hybrid war”, “multidimensional war”, separatists, crisis response, precision-guided munitions, peacekeeping operation, annexation of Crimea, Donbass, the LNR and DNR, Novorossiia, confederalization, irredentism.